

Играть – это счастье, а счастье МОЛОДИТ

Кучыбуря. – 2005. – 5 окт. – с. 1, 11

Завтра народная артистка СССР Вера ВАСИЛЬЕВА выйдет на сцену Московского театра сатиры в специальной программе, посвященной ее юбилею. Актриса отпразднует свой день рождения самым идеальным образом – в диалоге со зрителем, чья любовь сопровождает ее всю долгую жизнь в искусстве. Накануне утром мы беседовали с Верой Кузьминичной в ее гримерной комнате.

– Вера Кузьминична, расскажите, что вы сегодня делали в театре с раннего утра?

– Мы встретились с Александром Анатольевичем Ширвиндтом, Юрой Васильевым и Алешей Колганом и обсудили план предстоящего вечера. Меня охватывает страх, неверие, все кажется не очень интересным. Хотя, с другой стороны, я благодарна судьбе, что в таком возрасте выхожу на сцену в четырех спектаклях: "Ждать!", "Орнфельд", "Нам все еще смешно" и "Таланты и поклонники". Мы решили, что основой вечера станут фрагменты из этих спектаклей. Хочется сказать зрителям "спасибо" за эту колоссальную радость – быть с ними столько лет. На мой взгляд, это – чудо: играть, не просто продлевая профессиональное существование, а наслаждаясь откликом зала.

– В чем же секрет этого чуда? Этой роскошной рабочей формы, этого не утраченного обаяния и заразительности?

– Я заслушалась: неужели это похоже на правду? Все же причина – в самой профессии. Мы, актеры, мало понимаем самих себя в жизни, больше ощущаем чужие характеры и обстоятельства. Жизнь-то бывает и драматичной, и однотонной, а роли кидают нас то туда, то сюда. Такие амплитуды в реальной действительности бывают только в молодом возрасте. Но благодаря ролям ты всю жизнь можешь ощущать целый спектр состояний. Я и сейчас совершенно не представляю, сколько мне на самом деле лет.

– Но, с другой стороны, актерский труд – это труд на износ.

– Когда играешь роль, где есть чувство, которое к тому же разделяет зритель, молодеешь лет на 20. Я прихожу в театр с печалью или усталостью, сажусь гримироваться – и с каждым мазком тяжести куда-то уходят. Идешь на сцену, слышишь, что зрители с тобой, и чувствуешь себя счастливой. А счастье, знаете, молодит!

– Однако судьбы многих ваших коллег складываются иначе. И роли не спасают. Хотя, может быть, губит как раз отсутствие ролей?

– Трагическое тоже заложено в самой профессии. В других нет таких головокружительных амплитуд. Вот только что тебя носили на руках, а теперь забыли. Вчера – овации, сегодня – тишина. Никто не вспомнит, никто не поможет, одиночество до предела. Надо предлагать себя? Но не все это умеют. Я, например, никогда не умела сказать режиссеру: ну полюбите меня, я еще многое могу! У меня лет в 50 наступила такая ситуация, когда я внутри себя уже почти согласилась с тем, что неинтересна. Валентин Плучек лет шесть не давал мне новых ролей. И вот я уже было смирилась, что меня больше нет... В это время я написала книгу! Волевым ли я? Не знаю. Ведь приняла в

тот момент свою судьбу как неизбежное. Но хотелось что-то прокричать. Если судьба дает этот шанс прокричать – в книге ли, в педагогике ли, – творческий человек обязательно его использует. К тому же мне в трудный момент жизни очень помогла режиссер Вера Ефремова, и я сыграла в ее Тверском драматическом театре Раневскую в "Вишневом саде". Десять лет играла! Потом повезло в Орле, где мне досталась роль Кручинной. Потом Б.А.Львов-Анохин сделал со мной "Воительницу". Это был режиссер, который замечательно чувствовал женский характер. Как ни странно, именно в этих ролях, а не в тех, что играла в родном театре, вдруг воскресли все мои далекие детские мечты.

– А что это были за детские мечты?

– О драматических ролях! Я ведь читалась мемуаров – о Комиссаржевской, Ермоловой, Юрневой, о Саре Бернар, о Дюзе... Днями сидела в библиотеках, в Бахрушинском музее. Старый театр знала лучше, чем новый. Когда пришла в Театр сатиры, поняла:

детские мечты – это одно, а действительность – другое. Пусть скромнее, но тоже хорошо: я в театре, мне дают играть.

– Действительно, ваша артистическая суть всегда отличалась от сути многих ваших коллег по театру. Здесь много сильных артистов, но много – комедийного, репризного дарования.

– Я еще потому решилась на юбилейный вечер, что и своему театру хочу сказать "спасибо". У меня здесь всегда была своя ниша, где я становилась другой только в ролях – не в жизни. Не надо было ломаться, кричать душой. Плучек дал мне все, что мог, но делалось много такого, где мне и места не было. Я не была, скажем так, вдохновляющей его актрисой. Но он под конец своей жизни (то ли одиночество заставило его о многом задуматься?) сказал мне: "Я виноват перед тобой. Я тебя уважаю". Мне это запало в душу. И обид никаких нет. Плучек в главном был прав: строил репертуар, балансируя между высокой сатирой и обычным зрительским спросом. Ведь уверять себя, что ты работаешь хорошо, когда зал пустой, попросту плуто.

– Все, что вы играете сейчас, находится все же в параметрах не слишком модных ныне теплых человеческих историй. Я слабо себе представляю Веру Васильеву в возрастной роли истерички или женщины, живущей в маргинальном мире.

– Я тоже. Хотя... Если бы режиссер влюбленно увидел бы во мне что-то непривычное, если бы желал что-то во мне повернуть, я бы из преданности собачьей (у актера она есть) попробовала бы... В нас заложено много неизведанного для нас самих, роль может вскрыть то, что крепко спит до поры. Я думаю о современной пьесе. Но всякий раз мечтаю о роли в противовес. Хочется пронзить одинокой скрипкой этот сумасшедший, издерганный, атакующий мир. Я вообще очень поддаюсь влиянию искусства.

(Окончание на 11-й стр.)

Фото Ирины КАЛЕДИНОЙ